

Этическая герменевтика истории*

Беляева Е.В., Минск

к. филос. н., доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Этическая герменевтика истории как методология обращения с прошлым предполагает: отношение к людям, жившим в прошлом, как актуальным субъектам нравственного взаимодействия; отношение к их жизни, поступкам и представлениям как к самоценности, которая не может быть предметом внешней моральной оценки; отношение к людям и событиям прошлого, как к индивидуальным и уникальным объектам, которые не подлежат редукции к абстрактным категориям; запрет на чисто рациональную трактовку мотивов исторических субъектов, исключая сочувствующее эмпатическое отношение к ним; морально требовательное отношение к себе как субъекту исторического процесса; позитивную ответственность за исторические события будущего.

Ключевые слова: мораль и история, методология истории, понимание, герменевтика.

E.V. Belyaeva, Minsk

Ethical hermeneutics of history

Ethical hermeneutics of history as a methodology for communication with the past suggests: attitudes towards people who lived in the past as actual subjects of moral interaction; attitude to their life, actions and ideas as to self-value, which can not be the subject of external moral evaluation; attitude to people and events of the past as to individual and unique objects that are not to reduction to abstract categories; a ban on a purely rational interpretation of the motives of historical subjects, excluding a sympathetic and empathic attitude towards them; morally demanding attitude towards oneself as a subject of the historical process; positive responsibility for the historical events of the future.

Keywords: morality and history, methodology of history, understanding, hermeneutics.

Моральная составляющая исторической рефлексии всегда была предметом рассмотрения философии истории, не меньшее значение имеют моральные аспекты исторической культуры в целом. В этом контексте неизменной актуальностью обладает вопрос о наиболее продуктивной стратегии взаимодействия исторической науки и этики, о такой этической методологии обращения к прошлому, которая могла бы обеспечить, как эпистемологическую корректность историче-

* Статья подготовлена при поддержке гранта БРФФИ-РФФИ Г18Р-003.

ского знания, так и принятие безопасных социальных решений. Речь идет не просто о том, что с моральной точки зрения искажение, манипуляция и злонамеренное использование исторических данных является нравственно недопустимым, но о том, что в самой этике есть различные теории морали и методологические стратегии, на основании которых можно соотносить себя с историческим прошлым.

Одной из таких стратегий является этическая герменевтика, получившая обоснование в рамках философии диалога, феноменологии, герменевтической философии. Общие идеи Ф. Шлейермахера, П. Рикёра, М. М. Бахтина, Э. Левинаса позволяют говорить об этической герменевтике как особой практике, которая должна применяться в социальной коммуникации. Она начинается с особой характеристики партнера по взаимодействию как Другого, как человека, чье существование самоценно, но принципиально не тождественно моему, а потому требует специфических процедур понимания. Нравственное взаимодействие требует понимания даже в самом обыденном смысле. Слова «он меня не понимает» говорят об эгоизме Другого, не желающего иметь нравственную точку зрения на мое существование, и становятся предпосылкой разрыва отношений. И наоборот: «понять кого-то» означает войти в его положение, разделить его чувства. «В сфере человеческих отношений понимание ассоциируется с умением и готовностью вникнуть в проблемы другой личности, принимая их близко к сердцу, проявляя чуткость, деликатность, доброжелательность. Это анализ жизненных ситуаций с установкой на человеколюбие, сопереживание» [2]. Так применение герменевтических методов задает нравственную позицию в ситуации.

Характеризуя соотношение этики и герменевтики у Ф. Шлейермахера, М. Потепа писал: «Герменевтика как искусство понимания отсылает к этике. Или, говоря точнее, этика позволяет указать ему определенное место. Если этика описывает становление духа или явление интеллигенции, то герменевтика, как искусство понимания, занимает главенствующее место» [7, с. 44]. В то же время этика отсылает к герменевтике, требует осуществления процедур понимания, поэтому нравственная личность лучше познает историю, так как делает это герменевтически. Раз история – это история людей, то освоение ее как нравственное взаимодействие с людьми прошлого, в большей степени доступно человеку нравственному, а безнравственный исказит и фальсифицирует историю даже без злого умысла, просто потому, что «ничего в ней не понимает».

В концепции П. Рикёра история, герменевтика и этика также связаны в неразрывное целое. С одной стороны, понимание у него невозможно без интерпретации, которая по природе своей исторична. Как пишет И. С. Вдовина: «интерпретация выступает местом сцепления двух времен – прошлого и настоящего. С одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию, которой мы принадлежим. С другой стороны, интерпретация сама совершается во времени, в настоящем, отличном от времени традиции; и то, и другое время принадлежат друг другу, они взаимосвязаны» [3, с. 18-19]. В свою очередь память в ее герменевтическом обращении к прошлому

осмысливается П. Рикёром как этический институт. Чтобы помнить и понимать смысл исторических событий, не подвергать забвению даже травматические из них, нужна нравственная установка на то, чтобы «воздавать по справедливости другому, отличному от меня». Справедливость, которая лежит в основе построения общественных отношений, должна распространяться не только на современников, но и на предшественников, от их исторической судьбы нельзя отмахиваться. Мало того, поскольку историческая преемственность захватывает и будущие поколения, то любое понимание прошлого становится нравственной обязанностью по отношению к будущему. «Справедливость, выявляя назидательное значение травмирующих воспоминаний, превращает память в проект, и именно сам проект справедливости придает долгу памяти форму повелевающего будущего» [8, с. 128].

«Закольцованность» проблем историзма, понимания и этики присутствует и в философии Г.-Г. Гадамера. Как отмечает И. В. Дёмин, «историчность в герменевтике Гадамера означает изначальную включенность человеческого существования (соответственно, всех его производных модусов: актов познания, понимания, интерпретации и т.д.) в историю, традицию» [4, с. 32]. В этот список следует включить и акты нравственности. Если «исторический опыт суть опыт герменевтический» [4, с. 32], то, в свою очередь, этическая герменевтика входит в состав исторического опыта.

Этическая герменевтика истории ориентирует на то, что прошлое требует к себе нравственного отношения, которое не может сводиться к «оценке исторических событий», когда ныне живущие приписывают себе право «судить» людей, живших до них, занимая ничем не оправданную привилегированную позицию. Мораль – это система требований, обращенная к самому субъекту морали, поэтому нравственное отношение к прошлому налагает моральные обязанности не на ушедшие поколения, а на нас самих. Мораль обязывает тщательно вникнуть в содержание исторического опыта и на этой основе выверять собственное поведение. Результат этической герменевтики истории обращен к ныне живущим и предполагает их реакцию, то есть и к ним обращен этически. Это касается, как профессионального историка, так и сообщества людей, которые с помощью этой процедуры решают собственные духовные задачи и на основании осмысления прошлого принимают решения относительно будущего. Так этика становится учением о нравственном понимании всех людей, когда бы они ни жили или собирались жить.

В философской герменевтике трактовка партнера по нравственной коммуникации как Другого констатирует его онтологическую инаковость по отношению к субъекту морали. Такая позиция в высшей степени актуальна применительно к историческим событиям, содержание и смысл которых безусловно инаковы для их интерпретаторов. Одновременно в этике Другой не является Чужим (страшным и ненужным), но, напротив, чрезвычайно необходимым для моего собственного самоопределения. Только в диалоге с Другим, в котором я открываю ему свою сущность, эта сущность, наконец, обнаруживается. Точно такую же роль прошлое играет по отношению к современности, которая только и мо-

жет осознать себя, соотносясь со своими историческими истоками, которая только по отношению к прошлому что-то из себя представляет.

Между тем герменевтически постигаемый Другой значим не только потому, что его наличие важно для моего самоопределения. Другой самоценен, его моральный статус не зависит от моей или чьей-либо еще оценки, его бытие значимо само по себе. «Другой проявляется как наивысшая ценность и многомерная личность, не поддающаяся однозначному определению, связанному с оценочными нравственными категориями» [5, с. 22]. Соответственно этическая герменевтика предполагает, что содержание истории значимо, независимо от нашей оценки его. Люди, конечно, задумываются о том, «какое наследство мы оставим своим детям», «что мы оставим своим потомкам», однако смысл их существования не сводится к «унавоживанию» почвы для грядущих поколений. Прошлое не может рассматриваться как ресурс, «полезное ископаемое», переработка которого дает энергию для современных действий. Понимание прошлого состоит в уважении прошлого в его аксиологической самодостаточности, в выявлении того внутреннего смысла событий, который они имели для разных участников, в понимании ценности любого (даже травматического или негативного) исторического опыта. Этическая герменевтика предполагает переживание такого опыта, как «своего» (опыта духовной причастности) и, одновременно как уникального события, которое было достоянием Других и не может повториться.

Как отмечал Ф. Шлейермахер, специфика герменевтического метода состоит в отношении к предмету исследования как единичному и уникальному [9, с. 120]. Для познания исторических явлений именно такой подход представляется наиболее адекватным. В частности, он содержит запрет на редукцию события и тем более человека к абстрактным категориям, на мышление о ком-то исключительно как «представителе» эпохи, класса, стороны конфликта и т. п. Представление об уникальности Другого вообще запрещает метод редукции его сущности к какой-то одной стороне его существования. Понимание Другого в его цельности и индивидуальности не позволяет сводить его к одной плоскости интерпретации и характеризовать исключительно как «палача», «врага», «жертву», «героя» и проч. Сокровенная суть Другого многомерна и невыразима, а потому постигается не в знании (пусть и этическом), а в понимании как нравственном действии. Как у М. М. Бахтина герменевтика бытия-события предполагает нравственный поступок, причастное участие в бытии [1, с. 112–113], так и этическая герменевтика истории требует не только написания исторических трудов и деятельности духа, но и коммеморативных практик, свидетельствующих, что результатом понимания истории стало нравственное совершенствование ныне живущих.

К герменевтике Шлейермахера восходит и идея о том, что понимание предполагает сочувствие, сопереживание, т. е. не только рациональное, но и эмоциональное отношение, вовлеченность понимающего в жизнь Другого, невозможность отделить его страдания, надежды и другие экзистенциальные переживания от своих. Этика здесь состоит не только в сострадании к жертвам всевозможных исторических несправедливостей и их страданиям, но и общее

сопереживание людям как деятелям, решающим свои задачи в условиях непредсказуемости последствий. Рациональные трактовки причин исторических процессов имеют право на существование, а вот чисто рационалистическая интерпретация мотивов поведения людей создает эффект отчуждения от них, пытается создать впечатление корыстной злонамеренности всех действующих лиц истории. Псевдо-объективный, «разоблачительный» взгляд на события прошлого, претендующий на вскрытие «истинных мотивов» участников, на деле оказывается несостоятельным и в научном, и в нравственном отношении. В противовес этому этическая герменевтика истории предполагает наличие у людей прошлого моральных мотивов и ценностей, которые могут сильно отличаться от современных, но требуют понимания в качестве таковых.

«Внимание голосам прошлого» предполагает, что не только мы стремимся понять прошлое, но и оно стремится быть понятым нами. Исторические тексты и документы чаще всего не обращены напрямую к будущим читателям и исследователям, однако фактически становятся посланиями, содержащими не только информацию, но и смысл жизни автора. Исходя из этого, с ними следует обращаться так же, как с обращенной к нам живой речью собеседника. Не случайно Э. Левинас полагал обращенный ко мне взгляд Другого источником этического отношения. «Другой призывает меня к ответу и указывает мне некий порядок – своей наготой, своей нищетой. Присутствие Другого – предупреждение мне о необходимости ответствовать» [6, с. 619]. Применительно к историческим событиям этическая герменевтика предполагает восприятие прошлого как вести, сообщения, речи Других, требующих нравственной реакции.

Уже Шлейермахер тесно увязывал герменевтику с языком, а после лингвистического поворота в философии дискурсивная природа понимания проявилась совершенно отчетливо. В этом контексте герменевтика истории предполагает внимание к прагматическим аспектам употребления высказываний (как исторических лиц, так и историков), к контекстуальной трактовке их значений и к смыслу как главному результату дискурсивного взаимодействия. В этом плане этическая герменевтика требует постоянного прояснения не только вопроса о том, почему нечто в истории было сказано, написано и сделано (выяснение причин), но и зачем это сделано (выяснение целей, мотивов, видения будущего участниками событий). Кроме того, этическая позиция историка состоит в том, чтобы отдавать себе отчет, в какой ситуации функционирует его текст. Прагматический контекст высказывания во многом определяет, раскроет ли историческое исследование «правду» или просто будет лить воду на мельницу текущей политики. Непрофессиональные формы обращения к прошлому, как отдельных людей, так и их сообществ, подвержены тем же закономерностям функционирования идей в дискурсе, поэтому прояснение дискурсивных характеристик высказываний о прошлом становится задачей этической герменевтики.

Главной целью дискурсивных механизмов является производство смысла, потому понимание, осуществляемое в дискурсе, является пониманием смысла, именно его мы и пытаемся обнаружить в истории (а не просто накопить некоторые сведения о прошлом). Соответственно этическая герменевтика истории

направлена на постижении ее нравственного смысла. Постклассическая философия истории не предполагает, что у истории есть нравственная цель или что нравственные идеалы определяют направление развития человечества. Смысл не содержится в истории, он возникает как результат выполнения историческими субъектами задач по продолжению своего существования в социальном времени. Его производство становится нравственной задачей для деятелей и мыслителей.

Понимание прошлого не есть однократный акт, это перманентный процесс переосмысления, который включает вопросы к прошлому и ответы на его зов, а кроме того, проектирование будущего на основе прошлого и понимание прошлого, исходя из видения будущего. «Данные челночно-поступательные шаги позволяют сформировать герменевтическое пространство, связанное как с приращением смысла и его трансляцией, так и с постоянным расширением границ понимания» [5, с. 23]. Так этическая герменевтика становится пространством формирования исторической культуры, обязательной предпосылкой самой истории, ее связности, осмысленности и продолжения, наличия смысла истории. Поэтому этическое понимание обязательно для исторического процесса (оно дает смысл) и, наоборот: этично быть историческим существом, не отречься от своей историчности.

Наконец, этическая герменевтика истории является проявлением ответственности исторического субъекта. Согласно Э. Левинасу, ответственность возникает как ответ на обращение Другого, в том числе Другого из прошлого; в рассуждениях П. Рикёра ответственность выражается в сохранении памяти о трагедиях прошлого. В любом случае она проявляется не только как ответственное рассуждение, корректная интерпретация событий, но и как коммеморативная практика, социальная деятельность. Кроме того, наряду с негативной ответственностью, которая порождена чувством вины за постыдные события своей истории, ответственность проявляется и позитивно: как способность субъекта социального действия планировать и осуществлять общественные изменения в направлении добра, как принятие обязательств относительно прошлых и будущих событий, как способность благотворно влиять на исторический процесс.

Таким образом, этическая герменевтика истории как методология обращения с прошлым предполагает: отношение к людям, жившим в прошлом, как актуальным субъектам нравственного взаимодействия; отношение к их жизни, поступкам и представлениям как к самоценности, которая не может быть предметом внешней моральной оценки; отношение к людям и событиям прошлого, как к индивидуальным и уникальным объектам, которые не подлежат редукции к абстрактным категориям; запрет на чисто рациональную трактовку мотивов исторических субъектов, исключаящую сочувствующее эмпатическое отношение к ним; морально требовательное отношение к себе как субъекту исторического процесса; позитивную ответственность за исторические события будущего.

Литература

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 82-160.
2. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/7_179102_nravstvennoe-ponimanie---zeheshchlikI.html (дата обращения 21.10.2018).
3. Вдовина И. С. От переводчика // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс, 2002. С. 5-33.
4. Дёмин И. В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самар. гуманит. акад., 2017. 273 с.
5. Доронина С. Г. Этическая герменевтика // Человек. Культура. Общество: тезисы докладов XIV научной конференции студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ. Минск, 19 апреля 2017 г. Минск: БГУ, 2017. С. 22-24.
6. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. 752 с.
7. Потепя М. Этика и герменевтика у Шлейермахера // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 34-46.
8. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004. 728 с.
9. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004. 246 с.

Моральная составляющая культурно-исторической травмы: заметки к проблеме понимания*

Т.И. Врублевская-Токер, Минск

к. филос. н., доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются нравственные понятия, неразрывно связанные с явлением культурно-исторической травмы: смысл жизни, страдание, ответственность, которые выявляются на основании трех методологических подходов к проблеме травмы: культурсоциологический, психоаналитический, логотерапия. Нравственная составляющая культурно-исторической травмы рассматривается как фактор ее понимания.

Ключевые слова: культурно-историческая травма, смысл жизни, страдание, ответственность, проблема понимания в исторической культуре.

* Статья выполнена в рамках гранта БРФФИ-РФФИ Г18Р-003.